

УРОКИ ДОБРА

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

...На деревьях растут цветы, напоминающие бабочек. Ночью они светятся, как маленькие луны. В хижине живут мужчина, женщина и мальчик. На наших глазах совершаются удивительные вещи: впервые на земле женщина приручает дикий пса и дикие травы. Дикого кова, который умист «играть в пространство», и дикая корова, «умоющая играть в разумные» и, разумеется, давать молоко, впервые дарят людям свою дружбу. Тигр благодаря собственной глупости впервые становится положительным. Мальчик впервые изображает свои мысли на стене в виде рисунка — так рождается искусство. И только кошка гуляет сама по себе, не хочет ничего знать, со всеми ведет дискуссию, «переворачивает то, что переворачивается», т. е. ставит с ног на голову все нравственные истины и думает только о самой себе: «Помоему, по-моему, нужно жить по-своему»...

В результате ряда происшествий выясняется все же, что «человек свободен только тогда, когда он кому-нибудь нужен», и что можно жить по-своему и думать о других. Ну, конечно же, это известная сказка Р. Киплинга, превращавшаяся в спектакль «Кошка, которая гуляла сама по себе». В. Сухомлиньский писал, что, наверное, это одна из наиболее трудных вещей в нравственном воспитании: учить человека делать добро и вместе с тем избежать примитивнейших советов — делай вот так! Этих трудным искусством владеет Ленинградский театр юных зрителей и его главный режиссер З. Я. Корогодский, сочетающий «поэзию педагогик» с щедрой театральной фантазией и артистичностью. А главное, несведущий одно очень простое правило, которое знала еще античность: «Детству следует оказывать величайшее уважение».

Утверждение высокого достоинства детства, отрочества, юности — прекрасной, но в самой ответственной поры жизни, когда определяется характер, а за ним подчас и человеческая судьба — составляет пафос творчества Ленинградского театра юных зрителей. Он исходит из того, что не только мы воспитываем маленького человека, но при этом, а порой и критический взгляд ребенка воспитывает и нас.

«Глазами подростка и театра» — так, пожалуй, можно было бы назвать спектакль «Открытый урок», где в веселом ритме как бы путующего обозревая, сменяющих друг друга кратких эпизодов-наблюдений возникало перед нами это далеко не путующее редкое труппы: говорить на равных со своим зрителем и говорить правду, превращая при этом нравственную идею в театрально-увлекательное представление. Не потому ли спектакли театра с равным удовольствием смотрят дети и взрослые? Впрочем, это было заведено детскому театру еще Станиславским в «Синей птице». Ленинградский ТЮЗ каждый раз заново «изобретает» спектакль и каждый раз усиливается с залом о новом языке.

Мы помним и другие кульминации в репертуаре Ленинградского ТЮЗа, к двум важным драматическим исследованиям, в одном из которых речь идет о подвиге, в другом — о преступлении. Документальная драма В. Долгих возникла из известного очерка К. Симонова в «Комсомольской правде», писавшего о гибели в июле 1972 г. разанского комсомольца Анатолия Мерзлова: он сгорел, пытаясь спасти пшеничное поле, которому грозил запылавший трактор. Автор и театр подробно расспрашивали всех, кто имел отношение к происшествию, изучали письма, получившиеся редакции после напечатания очерка. Так родилась пьеса, а затем и спектакль, подобного

ке, на котором он будет с ним говорить.

Ну, вот, скажем, революционный детектив «Месс Менд», написанный когда-то Маризтой Шагинян. Я помню, когда читал его мальчишкой, мне было так страшно, что я поджигал, сидя за столом, ноги, чтобы меня не схватил страшный маг Чиче. Как это ставить сегодня? Изобретается иронический жанр «суперэкстраштансфильма», где в бешеном ритме «ведущая тройка» американских парней, которых лихо изображают Н. Иванов, А. Хочинский и И. Шибанов, совершая с десяток сценических неожиданностей в единичном времени, разоблачают Чиче и его окривелости, а заодно и вековую мисс Элизабет Вессон. А Шуранова с азартом делает в этой роли смелые акробатические кульбиты, и это сочетание душевной глубины актрисы и присущей ей обычно спокойной, певучей женственности с такой неожиданной отгадкой радовало нас, ибо вполне отвечало нашим представлениям о требовании, предъявляемым к современному актеру. Затем А. Шуранова снова возвращалась «на круги своя» и становилась Двойной Аной и, проще говоря, учительницей французского языка Анной Александровной Окуновой в драме А. Курганникова «В гостях у Донни Анны».

Пьеса эта куда слабее возможностей театра и его актеров, но она дает все же повод пусть бегло, но взглянуть на тот важный переломный момент, когда вчерашние мальчики и девочки, только что окончив школу и соприкоснувшись с традиционным сбор в доме своей учительницы, обнаруживают первые результаты их взрослой жизни: кто преуспел, кто претерпел, — стали определенными характеры и судьбы.

И «Месс Менд», и «Донна Анна» со всеми ее несовершенствами, и лесная сказка «Вембли», и стихи комсомольского действия в «Потешках» есть, говоря словами Белинского, «наполнение хорошим». Оно ведет явля, вернее, может привести к совершению того решающего поступка, в котором скажется весь запас деятельной нравственности, полученный юными зрителями на театральном «старте».

Мы помним и другие кульминации в репертуаре Ленинградского ТЮЗа, к двум важным драматическим исследованиям, в одном из которых речь идет о подвиге, в другом — о преступлении.

Документальная драма В. Долгих возникла из известного очерка К. Симонова в «Комсомольской правде», писавшего о гибели в июле 1972 г. разанского комсомольца Анатолия Мерзлова: он сгорел, пытаясь спасти пшеничное поле, которому грозил запылавший трактор. Автор и театр подробно расспрашивали всех, кто имел отношение к происшествию, изучали письма, получившиеся редакции после напечатания очерка. Так родилась пьеса, а затем и спектакль, подобного

которому я, пожалуй, еще не видел.

На сцене одинокий телефонный столб, как бы «связатель» катастрофы, запыленный мотоцикл, потрепанные колхозный газик и деревянные фигурки грушевых лошадей — знаки детства и юности погибшего парня. Звучат интервью блаженных, письма, комментарии театра — своеобразная «партитура» В. Долгих и З. Корогодского.

Мы слышим молодого актрисы, рассказывающей от имени матери, как ее сын в течение двух недель, пока он еще жил после смертельного ожога, ни разу не пожаловался на страдания, ни разу не пожаловал о том, что сделал. Незнакомые люди после его смерти не только писали, но и приезжали в село Прудские выселки, где он жил и умер. И являл письмо некоей Оли Жуковой: «Молодой парень вдруг отдал свою жизнь за какую-то груду железа с мотором... Как же это можно? Не думайте, что я осуждаю поступок Анатолия. Он совершил подвиг, но... ради железа? Нет, не понимаю. Может быть, я не права?»

В зале стихийно возникает диспут — не испеним-ранный, не разыгранный актерами, — доподлинный, сиюминутный и необычайно открытый. Находится и сторонники О. Жуковой: «Действительно, целесообразно ли? Рентабельно ли? Непростительно донахотство или героизм?»

Когда выясняется, что многие уже в Прудских выселках забыли Мерзлова, а колхозная бухгалтерия вычла из заработной платы матери сто рублей, выделенные на похороны, диспут разгорается еще больше. Зал вслух размышляет об истоках героизма и равнодушия. Подобно хронике, являющейся в художественный фильм, этот живой диспут входит в единую эстетическую систему спектакля. Мне давно так не было интересно в театре.

«Перенесите меня ближе к окопу», — говорил уже в бреду Анатолий Мерзлов, умирая. Откуда пришла эта фраза? Из фильма, из виденного спектакля? Из рассказов о боях, которые шли за его село? Из того, что он почувствовал себя солдатом, спасая хлеб? Таков был вывод зала. Героизм не рассчитли, это мгновенное доживание всего существа сделать то, что в эту минуту необходимо сделать, если ты подготовлен; к этому всем ходом своей жизни. Героизмом это уже называется потом... Но бывает и совсем иначе... «Остановите Малахова» — пьеса Валерия Аграванского, сделанная по его же документальным очеркам в «Комсомольской правде». З. Корогодский как постановщик здесь аскетически строг: только факты, люди и в центре — поразительный молодой актер А. Шевелев, играющий Малахова. Анализируются многие элементы малаховской судьбы — от родительского разла-

да, «законов улицы» до отступничества той стройной девочки, за которую он, не задумываясь, бросился в враку одичав против всех. И, конечно же, его собственная вина: он сделал выбор! Это жесткий, предуготовленный спектакль. Он как-то неудолжно переключается с «Кошки, которая гуляла сама по себе». Документ и сказка?

А что? Если так вот «гуляла сама по себе», забыв, что рядом с тобой люди, можно оказаться в одной компании с Малаховыми.

В любую художественную программу несут прекрасные артисты Ленинградского ТЮЗа. И первой здесь должна быть названа актриса Ирина Соколова. Я видел ее в ролях мальчишек и столетних старух, пугливой олененки Бемби, абсолютно-опасной капитановской кошки и даже самого великого мага Чиче. Чиче еще принесет нам с собой ее «магическое» изысканное искусство?

Кроме А. Шурановой, актрисы и певицы театра А. Хочинской, разнообразного И. Шибанова, А. Шевелева-Малахова, мною был упомянут в одной из ролей Н. Иванов. Это артист, который с равным успехом может быть и на сцене шутим, эксцентриком, выступая в роли исполненной гражданской энергии и страсти, словом, по праву являющийся ведущим актером труппы. Нельзя же поучествовать и дарованием совсем молодых: Т. Кудрявцева, М. Старых, С. Боржиковой, О. Лисенкова, Н. Бороваковой, которая с равным успехом выступает как актриса и певица, и столь же универсального И. Ованди-са.

Спектакль «Наш цирк», где молодые артисты баласкисировали на воображаемой проволоке, играли воображаемых львов и пантер, была наявля, как латы, серьезны, как «шпикачи-профессионалы, гибкие как акробаты, притягивающие и возмущенные идеей интернационального братства «мех-дуга» — это спектакль показал, на каком достойном уровне Ленинградский ТЮЗ готовят свое молодое пополнение.

...В. Сухомлиньский рассказывал, что при его школе была так называемая «комната мечты». Здесь читали, спорили, говорили о том, как представлялось себе жизнь. Было условлено: если ученики верили в то, что говорили ни учитель, они приносили из школьной теплицы вазу с хризантемами. Здесь были свои тонкости: красный и розовый цветок означал всеобщее воодушевление, радость; синий — тревогу, глупость — грусть, желтый — длительную разлуку с кем-нибудь из товарищей. Но был в теплице куст, на котором росли фиолетовые цветы. Это был цветок обиды.

Учитель, вы обидели, вы разочаровали нас, — означал такой цветок в вазе. На гастролях Ленинградского ТЮЗа я не заметил ни одной фиолетовой хризантемы.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ.
Заслуженный деятель искусств РСФСР.